М. В. Ломоносов по своей близости к руководящим русскою внешнею политикой кругам и лицам, вероятно, хотя бы в общих очертаниях, знал о тех чрезвычайных трудностях, которые до сих пор встречала старая русская постановка вопроса о мире не только в Пруссии, но и у союзников. Поэтому едва ли он мог думать, что сообразное ей заключение мира практически осуществимо. Скорее он был должен думать, что оно при данных конкретных условиях невозможно. Отсюда у него должна была держаться старая же мысль о необходимости продолжения войны, новых побед. Но он также не мог не знать, что при новой постановке молодым императором всего вопроса о войне и мыре продолжение войны и новые победы мало вероятны, — пожалуй, даже невозможны.

Мне представляется, что именно так надо объяснять некоторую двойственность в постановке М. В. Ломоносовым в оде Петру III давнего вопроса о войне и мире.

Он знает, что мир будет заключен в ближайшее же время, хочет его заключения на базе старых русских требований аннексии восточной Пруссии, сознает трудность, даже невозможность, при данных условиях получить на такое основное русское требование согласие Пруссии, считает необходимым для его осуществления конечное ее поражение, но не верит в готовность императора продолжать войну. Отсюда и впечатление нерешительности всех его речей о продолжении войны и новых победах.

Может быть, следует обратить внимание и еще на одно обстоятельство. Строфы, посвященные вопросам внешней политики, — 16—20, — разрывают собою естественное течение авторских мыслей, а именно: строфа 14 начинает, а строфа 15 продолжает изображение «рая» на русской «земле», строфы 16—20 посвящены вопросам внешней политики и кончаются горделивым провозглашением будущего:

«Тогда в трудах Тебе любезных, Российским областям полезных, Все время будешь провождать; И каждой день златого веку, Как долго можно человеку, Благодеяньями венчать...»

а следующая же строфа 21 продолжает описание уже существующего в России «рая» с изображением необыкновенной любы